

акв

2413

1978. 25
198.

«Самоповторенія» въ творествѣ Лермонтова.

Давно уже обращено вниманіе на такъ называемыя «самоподражанія» Лермонтова. Перечень такихъ «самоподражаній» приведенъ въ V томѣ академическаго изданія Лермонтова въ статьѣ редактора изданія «О языкѣ Лермонтова»¹⁾ и дополненъ Б. Нейманомъ въ рецензій на V томъ академическаго изданія въ «Филологическихъ Запискахъ»²⁾.

Проф. Д. И. Абрамовичъ, редакторъ академическаго изданія, даетъ слѣдующее объясненіе этой черты въ творествѣ Лермонтова: «Не имѣя намѣренія печатать всего, что вышло изъ-подъ пера, Лермонтовъ очень часто дѣлаетъ переносы изъ одного своего произведенія въ другое не только отдѣльныхъ стиховъ или выраженій, но и довольно значительныхъ отрывковъ. Несомнѣнно, этимъ слѣдуетъ объяснять обиліе у него такъ называемыхъ самоподражаній и умышленныхъ повтореній»³⁾.

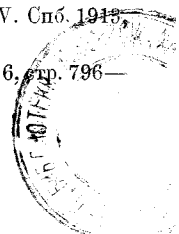
Такое объясненіе представляется намъ слишкомъ суммарнымъ, не достаточно проникающимъ въ сущность этого явленія въ творествѣ Лермонтова. Явленіе это само по себѣ настолько интересно, что надъ нимъ стоитъ призадуматься и попытаться поставить его въ связь съ характеромъ творчества Лермонтова.

Прежде всего, намъ кажется, что то, что принято называть у Лермонтова «самоподражаніями», далеко не однородно и должно быть разбито на нѣсколько группъ. Но сперва дадимъ себѣ отчетъ въ томъ явленіи, которое принято называть «самоподражаніемъ».

1) Акад. библи. русск. писателей. Полн. собр. соч. Лермонтова, т. V. Спб. 1915, стр. 200—203.

2) «Пятый томъ акад. изд. соч. Лермонтова». Фил. Зап. 1913. № 6, стр. 796—803.

3) Т. V, стр. 200.

«*Подражаніемъ*» мы называемъ такой актъ творчества, при которомъ результатъ творчества носить слѣды сознательнаго вліянія какого либо произведенія-образца. Мы подчеркиваемъ элементъ сознательности, такъ какъ терминъ «безсознательное подражаніе» былъ бы насиліемъ надъ языкомъ. Въ такомъ случаѣ, «*самоподражаніе*» есть опознанное для автора вліяніе болѣе ранняго произведенія или его элементовъ на произведеніе болѣе позднее по времени возникновенія. Тамъ же, гдѣ нѣтъ преднамѣренности, гдѣ результатъ творчества въ извѣстныхъ частяхъ безсознательно повторяетъ уже однажды закрѣпленное въ словѣ, тамъ нельзя говорить о «самоподражаніи». Въ этомъ случаѣ совпаденія въ произведеніяхъ одного и того же писателя могутъ быть объяснены двояко. Возможно, что безсознательно всплываетъ образъ въ той же словесной и ритмической оболочкѣ, въ которой онъ уже былъ однажды закрѣпленъ, но затѣмъ забытъ; тогда мы имѣемъ такъ называемую «*реминисценцію*»; возможно, что процессъ подъ вліяніемъ сходныхъ положеній повторяетъ уже разъ пройденный путь, и тогда естественно продуктъ творчества можетъ закрѣпиться въ повторяемыхъ словахъ и образахъ. Здѣсь мы имѣемъ случай «*повторенія*» въ результатахъ творчества двухъ самостоятельныхъ актовъ, возникшихъ независимо другъ отъ друга.

На первый взглядъ можетъ показаться, что по существу между «реминисценціей» и «повтореніемъ» нѣтъ различія. Въдѣ въ одномъ и другомъ случаѣ актъ творчества проходитъ по уже однажды пройденному пути и повторяетъ образы въ той же словесной и ритмической оболочкѣ. Но въ дѣйствительности между этими двумя случаями есть разница, и ее надо отмѣтить. Въ первомъ случаѣ, при «реминисценціи», творчество при повторномъ актѣ не такъ интенсивно, оно пользуется уже готовымъ законченнымъ образомъ, всплывшимъ въ сознаніи подъ вліяніемъ какой либо ассоціаціи. Во второмъ случаѣ, при повтореніи, актъ творчества интенсивенъ, онъ идетъ независимо отъ ранѣ созданныхъ образовъ, и только въ результатахъ продукты творчества двухъ одновременныхъ актовъ частично совпадаютъ. Пояснимъ это различіе наблюденіемъ надъ «вліяніемъ» одного писателя на другого. При совпаденіи въ результатахъ творчества двухъ писателей возможно предположить либо «*заимствование*», либо «*о.ліяніе*» (безсознательное), либо «*совпаденіе*». Тутъ,

какъ и должно быть, полная аналогія съ установленными выше различіями совпаденія въ творчествѣ одного и того же писателя. «Занметствованіе» соотвѣтствуетъ «самоподражанію», «вліяніе» — «реминисценціи», «совпаденіе» — «повторенію». Для насъ важно послѣднее. Разъ возможны «совпаденія» у двухъ писателей безъ необходимости допущенія вліянія, то допустимы и «повторенія» у одного и того же писателя безъ допущенія воздѣйствія прежде созданнаго. Итакъ, тамъ гдѣ мы наблюдаемъ у автора совпаденія въ двухъ или нѣсколькихъ произведеніяхъ, возможны три типа этихъ совпаденій: самоподражаніе, реминисценція и повтореніе.

Обратимся къ творчеству Лермонтова и посмотримъ, не найдемъ ли мы у него случаевъ совпаденій трехъ возможныхъ типовъ.

І. Самоподражанія.

Случаи самоподражанія возможны скорѣе всего тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ повторными обработками одного и того же сюжета, гдѣ мы встрѣчаемся съ общими положеніями, сходными характерами и т. п., при чемъ первоначальная попытка не была довершена въ творчествѣ и осталась незаконченной. Въ такомъ случаѣ вполне допустимо предположеніе, что авторъ сознательно переносилъ цѣлыя части изъ одного произведенія въ другое, широко пользуясь прежнимъ творческимъ матеріаломъ. У Лермонтова именно этотъ случай совпаденій настолько частъ, что обычно имъ объясняютъ все случаи совпаденій, ошибочно называя ихъ огуломъ «самоподражаніями». Какъ мы видѣли, такого взгляда держится и редакторъ академическаго изданія, Д. И. Абрамовичъ.

Общезвѣстность этой особенности Лермонтова освобождаетъ насъ отъ необходимости приводить полностью сходныя мѣста, и мы просто напомнимъ нѣсколько случаевъ такихъ «самоподражаній».

«Исповѣдь» (1830 г.) — «Бояринъ Орша» (1835—1836 гг.) — «Мири» (1840).

Ни «Исповѣдь», ни «Бояринъ Орша» не появлялись въ печати при жизни Лермонтова. «Бояринъ Орша» напечатанъ впервые въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 г. съ слѣдующимъ примѣчаніемъ А. Краевского, важнымъ, какъ свидѣтельство современника: «Эта поэма при-

надлежитъ къ числу первыхъ опытовъ Лермонтова. Она написана еще въ 1835 г., когда Лермонтовъ только еще начиналъ вступать на литературное поприще. Впоследствии, строгій судья собственныхъ произведеній, онъ оставилъ намѣреніе печатать ее, и даже, взявъ изъ нея цѣлыя тирады, преимущественно изъ II главы, включилъ ихъ въ новую свою поэму «Мцпри», помѣщенную, какъ извѣстно, въ собраніи его стихотвореній въ 1840 году.¹⁾ Совпаденія этихъ трехъ пьесъ такъ значительны, что ихъ не стоитъ приводить. Интереснѣе отмѣтить слѣды механичности перенесенія изъ одного произведенія въ другое.

«Ты слушать исповѣдь
Сюда пришелъ — благодарю...»²⁾

говорить монахъ-чепанецъ дряхлomu и сѣдому старцу, снутившемуся къ нему въ темницу, чтобы выслушать его исповѣдь. Такими же точно словами начинаетъ Арсеній въ «Бояринѣ Оршѣ» свою пламенную рѣчь на судѣ, обращаясь къ судья-чернецу³⁾. Тутъ все нескладно: неожиданно звучатъ здѣсь слова Арсенія, представшаго передъ судомъ, объ *исповѣди*, странно, что онъ говоритъ чернецу-судья «ты *слушать* исповѣдь пришелъ», когда вовсе не чернецъ пришелъ къ Арсенію, а Арсенія, какъ плѣнника, привели на судѣ.

Слѣдъ такой же неорганичности чувствуется и въ слѣдующихъ словахъ Арсенія:

«Когда-бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда-бъ я былъ бы виноватъ.
Но всѣхъ равно влечетъ судьба, —
И подъ одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человекъ, какъ и другой...»⁴⁾

Здѣсь представляется мало убѣдительнымъ психологическое положеніе:

«И подъ одеждою раба...
Я человекъ, какъ и другой...».

1) «Отеч. Зап.» 1842 г., т. XXIII, стр. 1—2.

2) «Исповѣдь», строки 67—68. Ак. изд., т. I, стр. 220. Далѣе мы будемъ всюду условно обозначать по слѣд. типу: «Исп.» 67—68. I. 220.

3) «Бояринѣ Орша» 434—435. II. 120.

4) «Бояринѣ Орша» 450—456. II. 121.

Если же мы вспомнимъ соответствующее мѣсто «Исповѣди»:

«Да, если-бъ черный сей нарядъ
Не допускалъ до сердца ядъ,
Тогда-бъ я былъ бы виноватъ,
Но подъ одеждой власяной
Я человѣкъ, какъ и другой...» 1),

то мы поймемъ, что эта немотивированность—только слѣдъ механическаго перенесенія изъ «Исповѣди».

«*Аулъ Бастунджи*» (1831) — «*Измаилъ-Бей*» (1832) — «*Хаджи Абрекъ*» (1833—1834).

Пьесы эти не предназначались Лермонтовымъ къ печати и напечатаны послѣ его смерти. Въ первыхъ двухъ произведеніяхъ, несмотря на различіе въ сюжетахъ, есть общее въ частности: мотивъ вражды двухъ братьевъ, кончающейся братоубійствомъ, картины кавказскаго пейзажа, общность именъ (Зара, Селимъ) и, что самое важное, совпаденіе въ характеристикѣ Селима и Измаила. Эта близость свидѣтельствуетъ, что обѣ пьесы—результатъ одного творческаго процесса. Этимъ и объясняются тѣ перенесенія, которыя мы находимъ здѣсь у Лермонтова.

Общность характеристики:

«*Аулъ Бастунджи*».

«*Измаилъ-Бей*».

«Отецъ ихъ былъ убитъ въ чужомъ краю,
А мать Селимъ убилъ своимъ рожденьемъ,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ — преступленьемъ.»

«Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ничью
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ — преступленьемъ...»
[864—867. II. 44].

«Онъ душу не обрадовалъ ничью...»
[73—77. I. 335].

«Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!...»
[79—80. I. 335].

То-же.

[858—859. II. 44].

1) «Исповѣдь» 125—129. I. 221.

«Онъ росъ одинъ... на волѣ, безъ заботъ
 Какъ птичка межъ землею и небесами
 Блуждая съ дѣтства среди родныхъ
 высотъ
 Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами
 А надъ собой одинъ безбрежный
 сводъ...»

[81—85. I. 335].

«Онъ выросъ межъ землею и небесами
 Не зная принужденія и заботъ
 Привыкъ онъ тучи видѣть подъ
 ногами
 А надъ собой одинъ лазурный сводъ...»

[873—876. II. 44].

Сходство пейзажа:

«Надъ дѣтской головой моею вѣнцомъ
 Свивались облака твои сѣды,
 Когда по нимъ гремя катился громъ
 И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
 Пещеры окликалися кругомъ...»

[17—21. I. 333].

«Какъ я любилъ

 И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ
 бурь,
 Когда пещеры и холмы крутые,
 Какъ стражи окликаются кругомъ...»

[35—40. II. 20].

Общностью пейзажа объясняются и темныя совпаденія «Измаиль-
 Бея» и «Хаджи-Абрека»:

«Еще небесное свѣтло
 Росистый дугъ не обсушило;
 Со скаль гравитныхъ, надъ путемъ
 Склонился дикій виноградникъ
 Его серебрянымъ дождемъ
 Осыпанъ часто конь и всадникъ...»

[210—215. II. 25].

Еще дѣливое свѣтло
 Росы холмовъ не осушило
 Со скаль высокихъ надъ путемъ
 Склонился дикій виноградникъ,
 Его серебрянымъ дождемъ
 Осыпанъ часто конь и всадникъ.

[115—120. II. 92].

«Родной ауль недалеко...
 Тамъ, гдѣ кустарникомъ покрыты,
 Встаютъ красивые граниты
 Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ
 Есть поворотъ и путь, прорытый
 Арбы скрипучимъ колесомъ.
 Оттуда кровы земляные
 Мечеть, бѣлѣющей заборъ,
 Аргуны воды голубыя
 Какъ подъ ногами, встрѣтить взоръ...»

[2110—2119. II. 79].

«Есть поворотъ и путь, прорытый
 Арбы скрипучимъ колесомъ
 Тамъ, гдѣ красивые граниты
 Рубчатымъ сходятся вѣнцомъ
 Оттуда онъ, какъ подъ ногами
 Смиранный различить ауль...»

[127—132. II. 92].

Къ «самоподражаніямъ» должны быть отнесены и совпаденія въ
 «Джюмо», «Литвинкѣ» и стих. «1834-го іюня 14 дня» («Моя душа, я
 помню, съ дѣтскихъ лѣтъ . . .»), близкіе по времени написанія
 1830—34 гг.), и рядъ другихъ совпаденій, на которыхъ не будемъ

останавливаться¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ текстуальныя совпаденія такъ разительны, что является мысль, не имѣемъ ли мы разныя редакціи одного и того же замысла; такая тѣсная связь, напр., между стих. «Ночь I» («Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я...», 1830 г.)²⁾ и «Смерть» («Ласкаемый цвѣтущими мечтами», 1830 г.)³⁾

Ограничимся этими примѣрами самоподражаній Лермонтова; ихъ вполне достаточно, чтобы уяснить себѣ ихъ связь съ творчествомъ поэта. Какъ мы видѣли, эту особенность въ творествѣ Лермонтова объясняютъ тѣмъ, что онъ не предназначалъ свои раннія произведенія къ печати и поэтому пользовался ими при новыхъ художественныхъ замыслахъ. Но это вѣдь не объясненіе. Остается все же вопросъ, почему только у Лермонтова мы встрѣчаемся съ подобною чертой, вѣдь и другіе поэты долго отдѣлывали свои произведенія, часто бросали недовершенные замыслы, но очень рѣдко переносили цѣлыя части изъ одного произведенія въ другое. Причина должна лежать не въ этомъ ви́шнемъ фактѣ, а вѣроятно кроется глубже — въ самомъ свойствѣ художественнаго таланта Лермонтова, въ его творческой самобытности.

Лермонтовъ поэтъ рѣзко субъективный; эта черта настолько бросается въ глаза, что на ней не стоитъ дольше останавливаться, она отмѣчалась неоднократно всѣми изслѣдователями. Но въ связи съ этой чертой стоитъ одна особенность, которую необходимо здѣсь отмѣтить. Какъ поэтъ субъективный, Лермонтовъ побуждаемъ къ творчеству не столько извнѣ, какъ изнутри.

Поэтъ субъективный не побуждаемъ міромъ извнѣ, міромъ, противуположнымъ ему, къ творчеству, міръ извнѣ не ставитъ передъ нимъ загадки за загадкой, на которыя онъ долженъ дать отвѣтъ въ своемъ творествѣ. У него одна единая загадка — его душа. Какъ ни богата душа поэта содержаніемъ, все же творчество его невольно отдаетъ однообразіемъ, ибо оно даетъ отвѣтъ только на одну тайну бытія —

1) Ср. «Джюліо» 341—346 и «Литвинка» 359—366; 159—160 и 49—50; «Джюліо» 490—493, «Литв.» 359—360, стих. «1831-го іюня 11-го» 185—192; «Литв.» 511—520 и стих. «1831-го іюня 11-го» 101—112.

2) I. 116.

3) I. 180.

тайну индивидуальности. Поэтъ субъективный часто слѣпъ къ окружающему, ибо онъ зачарованный рыцарь своего «я». Поэтъ объективный хочетъ жить, чтобъ «мыслить и страдать», поэтъ субъективный хочетъ лишь «страдать», ибо страданіе для поэта — познаніе своего «я» въ творествѣ, а мышленіе — познаніе міра внѣ-я въ творествѣ. У Лермонтова все это осложняется еще одной особенностью, его ранней душевной оформленностью, раннимъ опознаніемъ своей индивидуальной своеобразности. Это опознаніе влекло за собой извѣстную пассивность въ творествѣ, развѣ найденный образъ, освѣтившій тайну его «я», казалось, отвѣчалъ вполне поискамъ внѣшней формы; найденная форма надолго удовлетворяла его, ибо неизмѣннымъ казалось объясняемое — его индивидуальность.

Только этимъ можно объяснить такую устойчивость основныхъ характеристикъ, такое упорство въ пользованіи излюбленными образами, такую повторяемость въ творествѣ на протяженіи ряда лѣтъ. Только этимъ можно объяснить, что такой несомнѣнно творческій гений, такой мощный поэтъ въ образахъ и звукахъ, могъ механически скраивать произведенія изъ осколковъ своего прошлаго. Представьте себѣ Пушкина, который бы въ процессѣ творчества извлекалъ бы изъ старыхъ опытовъ, набросанныхъ пять-десять лѣтъ до того, цѣлыя строфы и вкрапляя бы ихъ въ новое произведеніе! Это не мыслимо для Пушкина, т. к. Пушкинъ съ каждымъ годомъ уходилъ отъ своего прошлаго настолько, что старые образы переставали говорить его душѣ и сердцу. Развѣ можно представить себѣ Пушкина въ 1830 г. пишущимъ «Кавказскаго Пльнника», а Лермонтовъ могъ въ 1830 г. писать «Исповѣдь», въ 1835—36 — «Боярина Оршу», въ 1839 г. — «Мцири», все перефразы одного и того же замысла. Мы уже отмѣтили, что поэтъ субъективный, особенно такой заключенный въ себѣ, какъ Лермонтовъ, мало склоненъ откликаться на явленія внѣ его стояція. Онъ ищетъ только внѣшняго примѣненія своего законченнаго творческаго акта и, объектируя свое «я», онъ не познаетъ этимъ міра внѣ-я. Разительный примѣръ этому дастъ Лермонтовъ въ своемъ стих. «Памяти А. И. Одоевскаго» («Я зналъ его. . .»), написанномъ въ 1839 г. на смерть друга-декабриста. Тема конкретна, эмоціонально-конкретна, конкретно и неповторяемо должно

было-бы быть и содержаніе. И однако! Какъ объяснить, что это стихотвореніе почти дословно повторяетъ нѣкоторыя строки поэмы Сашка?

«Памяти А. Н. Одоевскаго» (1839 г.).

«Сашка» (1836).

«Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба
наша,
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни
единый
И былъ-ли то привѣтъ странѣ родной
Название-ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крикъ послѣдняго недуга
Кто скажетъ намъ...?»

«Онъ былъ мой другъ. Ужъ нѣтъ
такихъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Нетронуто никѣмъ, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ
сномъ:
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ не понялъ ни единый,
И былъ-ли то привѣтъ странѣ родной,
Название-ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,—
Какъ разгадать?...»

[23—38. II. 262].

[22—38. II. 143—144].

Ср. также стр. 43—48 съ стр. 1496—1501. Какъ объяснить, что вторая строфа этого стихотворенія почти дословно повторяетъ стихотвореніе 1832 г. «Онъ былъ рожденъ для счастья...»?

«Памяти А. Н. Одоевскаго».

* * * («Онъ былъ рожденъ...»).

«Онъ былъ рожденъ для нихъ для
тѣхъ надеждъ
Поэзии и счастья... Но... безумный
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной
И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ не
спасъ!...»

«Онъ былъ рожденъ для счастья, для
надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни
шумной,
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не
спасъ!...»

[12—16. II. 261].

[1—5. II. 16].

Напрасно бы мы стали искать послѣ этихъ сопоставленій отраженія подлиннаго облика кн. А. Н. Одоевскаго въ этой странной эпитафій. Какъ же объяснить себѣ такой исключительный фактъ въ литературѣ?

Мы думаемъ, что объяснить это можно исключительно своеобраз-

Изм. № 3943.

ной слѣпотою Лермонтова къ явленіямъ вѣшняго міра, его постоянной устремленностью внутрь себя, въ міръ своихъ личныхъ переживаній. Ищешь явленій аналогичныхъ въ области искусства и невольно вспоминается Нестеровъ съ его разъ навсегда даннымъ ликомъ и пейзажемъ. Намъ трудно судить объ явленіяхъ въ живописи, но можетъ быть тутъ есть нѣчто общее. Въ литературѣ русской намъ встрѣтился только еще одинъ случай, гдѣ «самоподражанія» играютъ значительную роль — это у Ап. Григорьева въ его критическихъ статьяхъ. Ап. Григорьевъ — явленіе значительное болѣе скромное въ литературѣ, но возможно, что и у него ярко выраженная индивидуальность и ранняя законченность міровоззрѣнія сыграли здѣсь свою роль. Онъ также застылъ въ своихъ формулахъ литературной критики.

II. Реминисценціи.

«Реминисценцію», т. е. бессознательное повтореніе уже однажды примѣненнаго образа, не всегда можно съ полной увѣренностью отличить отъ самоподражанія, такъ какъ вѣшній матеріалъ часто не даетъ для этого точнаго критерія. Можно только приблизительно указать, при какихъ условіяхъ мы можемъ совпаденіе скорѣе отнести за счетъ «реминисценціи», чѣмъ за счетъ «самоподражанія» или «повторенія». Во первыхъ, всякая реминисценція по психологическому свойству своему не должна быть слишкомъ велика по объему, такъ какъ намъ въ противномъ случаѣ трудно допустить, чтобы память не связала такого повторенія съ уже однажды закрѣпленнымъ въ словѣ. Если въ этихъ случаяхъ и нѣтъ прямого обращенія къ старой рукописи, то все же есть моментъ сознательнаго припоминанія.

Во вторыхъ, реминисценція не должна входить въ составъ цѣлаго, въ которомъ другія части съ достовѣрностью могутъ быть отнесены къ «самоподражаніямъ», т. е. въ такомъ случаѣ и простое двуступеніе можетъ быть механически перенесено изъ одного произведенія въ другое.

Въ третьихъ, при реминисценціи совпаденіе не должно быть до конца текстуальнымъ, такъ какъ при бессознательномъ припоминаніи неизбежны отступленія; при этомъ, чѣмъ больше совпадающій отрывокъ,

тѣмъ вѣроятнѣе въ немъ значительныя отступленія. Въ рифмованной поэзіи этотъ процессъ задерживается рифмой, которая можетъ иногда привести къ текстуальному совпаденію.

Въ четвертыхъ, при реминисценціи совпаденіе не должно быть слишкомъ общимъ по своему характеру, не должно быть лишеннымъ конкретныхъ подробностей.

При несоблюденіи первыхъ трехъ условій, мы рискуемъ «самоподражаніе» отнести къ «реминисценціи», при невниманіи къ послѣднему условію мы можемъ простое «повтореніе» принять за «реминисценцію».

У Лермонтова, благодаря обилію и сложности совпаденій, особенно легко допустить такое смѣшеніе.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ могутъ возникнуть сомнѣнія и гдѣ ихъ разрѣшеніе дается на основѣ вышеизложенныхъ условій.

1. *При реминисценціи совпаденія не должны быть слишкомъ велики по объему.*

Примѣръ:

«Морякъ» («Въ семьѣ безвѣстной...», 1832 г.).	«Демонъ», IV вариантъ 1833 г.
«Покрывшись пѣною рядами, Какъ серебромъ и жемчугами, Несется гордая волна Толпою слугъ окружена; Такъ точно дѣва молодая Идетъ, гордясь, между рабовъ, Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ Не слушая, не понимая...»	«Покрѣта бѣлыми кудрями Какъ серебромъ и жемчугами, Несется гордая волна, Толпою слугъ окружена, И, какъ царица молодая, Течетъ она между рабовъ, Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ Не слушая, не понимая...»
[41—48. II. 2].	[42—49. II. 400].

Совпаденія въ описаніи моря, не говоря уже о текстуальной близости, слишкомъ велики въ данномъ случаѣ по объему, чтобы ихъ можно было объяснить бессознательнымъ припоминаніемъ. Надо думать, что Лермонтовъ здѣсь просто воспользовался стих. «Морякъ» для своего «Демона».

2. *Реминисценція не должна входить въ составъ цѣлаго, въ которомъ другія части могутъ быть съ достовѣрностью признаны «самоподражаніями».*

Такъ, на примѣръ, совпаденія типа:

«И, наконецъ, припалъ къ землѣ сырой, Какъ та земля, и хладный и нѣмой...»	«Лежалъ онъ на землѣ сырой, Какъ та земля, и мрачный и нѣмой...»
[«Аулъ Бастунджи» 1831 г. 479—480. I. 347].	[«Изм. Бей» 1832 г. 1380—1381. II. 58].

Или:

«И лоснится хребетъ его высокій Какъ черный камень, сглаженный волной...»	«И лоснится его спина Какъ камень, сглаженный потокомъ...»
[т. ж. 340—341. I. 343].	[т. ж. 682—683. II. 38].

сами по себѣ могли бы быть объяснены реминисценцией или даже повтореніемъ, но наличность значительныхъ совпадений въ «Аулъ Бастунджи» и «Измаиль-Бей», откуда они взяты, заставляють отказаться отъ мысли о бессознательномъ повтореніи или случайномъ совпаденіи.

3. При реминисценціи совпаденія не должны быть *текстуальны*.

Этотъ случай лучше всего иллюстрированъ совпаденіями одного мѣста «Литвинки» (1830 г.) и стих. «1831 года іюня 11 дня» («Моя душа, я помню . . .»)

«Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть Имѣть неограниченную власть. Такъ въ трещинѣ разваливъ иногда Береза вырастаетъ; молода И зелена, и взоры веселитъ И украшаетъ сумрачный гранитъ; И часто отдыхающій пришлецъ Груститъ о ней и мыслить, наконецъ, Порывомъ бурь и зною предана Увянетъ преждевременно она...»	«Такъ въ трещинѣ разваливъ иногда Береза вырастаетъ—молода И зелена, и взоры веселитъ, И украшаетъ сумрачный гранитъ, И о судьбѣ ея чужой пришлецъ Жалѣетъ. Беззащитно предана Порыву бурь и зною, наконецъ Увянетъ преждевременно она. Но съ корнемъ не соргнетъ никогда Мою березу вихрь: она тверда; Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть Имѣть неограниченную власть...»
[«Литв.» 510—516. I. 218].	[«1831 г. іюня 11 дня». 101—111. I. 257].

Самъ по себѣ, образъ березы, вырастающей въ трещинѣ разваливъ, могъ бы возникнуть самостоятельно дважды въ процессѣ творчества, но текстуальное совпаденіе въ примѣненіи этого образа исключаетъ здѣсь такое предположеніе.

Тотъ же образъ мы находимъ въ «Бояринъ Оршъ»

«Такъ, средь развалинъ вногда
Растетъ береза; молода
Мила, надъ плитами гробовъ.
Игрою шепчущихъ листовъ...»

[49—51. II. 110]

и здѣсь мы вполне допускаемъ его самостоятельное зарожденіе.

4. *Совпаденіе не должно быть слишкомъ общаго характера.*

Проф. Д. И. Абрамовичъ относитъ, напримѣръ, къ «такъ называемымъ самоподражаніямъ и умышленнымъ повтореніямъ» такое совпаденіе: ¹⁾

«...Сердце у меня
Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ
огня...»

[«1830 г. іюля 15». 24—25. I. 145].

«Ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенникомъ однихъ высокихъ чувствъ, окаменѣй подобно ей сердцу...»

[«Menssh. u. Leidensch.» 1830.
III. 129. 2—3].

Въ данномъ случаѣ проф. Д. И. Абрамовичъ допускаетъ ошибку; несомнѣнно здѣсь простое совпаденіе, т. к. примѣненіе образа настолько обще, что нѣтъ никакой необходимости видѣть здѣсь случай самоподражанія.

При возникновеніи реминисценціи главную роль играютъ ассоціаціи представленій, которыя слѣдствіемъ своимъ вызываютъ появленіе уже разъ примѣннаго образа, словеснаго оборота, сравненія и т. п. Поэтому при объясненіи реминисценціи необходимо уяснить себѣ всякій разъ ассоціативную связь, обусловившую припоминаніе. А такъ какъ характеръ ассоціативныхъ связей писателя тѣсно связанъ съ характеромъ его творчества, то мы здѣсь невольно сталкиваемся съ вопросомъ о творческой самобытности писателя.

Лермонтовскія реминисценціи по характеру ассоціативныхъ связей распадаются на нѣсколько группъ.

1. *Ассоціативная связь ритма и созвучій* (рима и т. п.).

Случай сравнительно рѣдкій у Лермонтова, но все же мы считаемъ необходимымъ его отмѣтить, ибо, какъ прिवходящій моментъ, онъ входитъ

1) Ак. изд. V, стр. 201.

часто въ другого рода ассоціаціи и способствуетъ возникновенію «реминисценціи».

Приведу слѣдующій примѣръ, тѣмъ болѣе доказательный, что онъ взятъ изъ одного произведенія.

«Онъ былъ не молодъ и не старъ; Но разсмотрѣвъ его черты, Не чуждыя той красоты Невыразимой, но живой, Которой блескъ печальный свой Мысль неизмѣнная дала...»	«Спокойны были все черты Исполнены той красоты, Лишенной чувства и ума Таинственной, какъ смерть сама...»
---	--

[«Бояринъ Орша» 768—772. II. 130].

[т. ж. 883—886. II. 133].

Когда же мы и въ «Демонѣ» встрѣчаемъ слѣдующія строки:

«И были все ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждый выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама...»,
[«Дем.» 950—954. II. 378]

то предполагаемъ, что ассоціативная связь ритма и рифмы сыграла свою роль при возникновеніи «реминисценціи».

2. Ассоціативная связь сравнений-образовъ.

У Лермонтова есть рядъ любимыхъ имъ образовъ-сравненій, характерныхъ для его творчества; эти образы, всплывая въ сознаніи, невольно по ассоціаціи вызывали уже однажды закрѣпленное въ словѣ и стихѣ ихъ примѣненіе, и отсюда возникали почти дословныя повторенія. Оговариваемся, что здѣсь очень трудно провести грань между сознательнымъ и безсознательнымъ воспроизведеніемъ образа, всегда возможны колебанія въ одну или другую сторону.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ сравненій, которыя мы склонны отнести къ этой категоріи.

Душа усталая — плодъ до времени созрѣлый.

«Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,	«Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;	Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,

Красота — таинственна, какъ смерть.

<p>«Спокойны были всё черты, Исполнены той красоты, Лишенной чувства и ума, Таинственной, какъ смерть сама...»</p> <p>[«Бояр. Орша» 1835—36. 883—86. II. 133].</p>	<p>«И были всё ея черты Исполнены той красоты, Какъ мраморъ, чуждый выраженя, Лишенной чувства и ума, Таинственной, какъ смерть сама...»</p> <p>[«Демонъ» 950—954. II. 378].</p>
--	--

3. *Ассоциативная связь по ходу мысли.*

Въ извѣстныхъ случаяхъ ходъ мысли можетъ совпасть съ аналогичнымъ въ прошломъ и вызвать припоминаніе изъ прошлаго творчества.

У Лермонтова долженъ быть отмѣченъ чистый видъ этой ассоціаціи, связанный съ рядомъ излюбленныхъ имъ мыслей типа — сентенцій.

Сюда мы относимъ такіе случаи:

<p>«По-мнѣ, отчизна только тамъ, Гдѣ любить насъ, гдѣ вѣрять намъ!..»</p> <p>[«Изм. Бей» 1832. 724—25. II. 40].</p>	<p>«Повѣрь мнѣ, — счастье только тамъ, Гдѣ любить насъ, гдѣ вѣрять намъ...»</p> <p>[«Хаджи-Абрекъ» 1833—34. 251—52. II. 96].</p>
---	--

или:

<p>«Когда обмановъ самъ чуждался, Обмануть былъ онъ; и боялся Онъ вѣрять, только потому, Что вѣрилъ нѣкогда всему!...»</p> <p>[«Изм.-Бей» 1832. 1674—77. II. 67].</p>	<p>«Добру-жъ давно не вѣрилъ онъ, Не вѣрилъ только потому, Что вѣрилъ нѣкогда всему!...»</p> <p>[«Бояр. Орша» 1835—36. 170—72. II. 113].</p>
---	--

или слѣдующія о женщинѣ, которая

<p>«... Любить не ставить въ грѣхъ Та одного, та многихъ, эта всёхъ...»</p> <p>[* * * «Склонись ко мнѣ...» 1830. 23—24. I. 101].</p>	<p>То-же.</p> <p>[* * * «Девятый часъ уже темно...» 1830. 47—48. I. 103].</p>
--	---

Болѣе рѣдкій случай, когда одна навязчивая мысль преслѣдуетъ поэта, и онъ можетъ ее повторить дважды въ почти однородныхъ выраженіяхъ:

<p>«Когда твой другъ съ пророческой тоскою Тебѣ ввѣрялъ толпу своихъ заботъ, Не знала ты невинною душою, Что смерть его позорная зоветъ,</p>	<p>«Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою. Я зналъ, ударъ судьбы меня не обойдетъ. Я зналъ, что голова, любимая тобою,</p>
--	---

Что голова, любимая тобою Съ твоей груди на плаху перейдетъ...»
Съ твоей груди на плаху перейдетъ...»

[«Къ * * *» («Когда твой другъ...»)
1830. 1—6. I. 188].

[* * * («Не смѣйся надъ моею...»)
1837. 1—4. II. 214—15].

Обиліе «ремнищенствій» у Лермонтова слѣдствіе уже отмѣченной нами черты въ его творчествѣ, слѣдствіе пассивности творчества.

Между опредѣленнымъ душевнымъ настроеніемъ и образомъ, оформившимъ его въ словесную оболочку, устанавливается настолько прочная ассоціація, что при новомъ творческомъ актѣ она навязчиво вслываетъ въ сознаніи, почти дословно повторяя уже разъ закрѣпленное въ словѣ.

Господство такихъ навязчивыхъ идей и образовъ надъ Лермонтовымъ разительно, еще болѣе разительно, что онъ не противится имъ, что они очевидно отвѣчаютъ его внутреннимъ переживаніямъ. Разгадка этому все въ томъ же: въ ранней законченности его душевнаго развитія, въ старинѣ его душевной жизни. Не случайно одинъ изъ любимыхъ образовъ Лермонтова «плодъ до времени созрѣлый»; и странно и значительно, что въ стих. «Онъ былъ рожденъ. . .» (1832 г.) Лермонтовъ говоритъ: —

«Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый...»

[6—7. II. 16].

Позднѣе Лермонтовъ исправляетъ кажущуюся несуразность образа и вмѣсто «сочный плодъ» мы у него встрѣчаемъ «тощій плодъ» [«Дума» 13. II. 232], «ранній плодъ, лишенный сока» [«Гляжу на будущность. . .» 1837. 17. II. 240]; первый вариантъ все же остается знаменательнымъ для самого Лермонтова образомъ: да, онъ «сочный» плодъ, до времени созрѣлый.

III. Повторенія.

«Повторенія», т. е. совпаденія двухъ разновременныхъ актовъ, возникшихъ независимо другъ отъ друга, въ своихъ результатахъ, имѣютъ много общаго съ «ремнищенствіями» и поэтому не всегда легко отличимы другъ отъ друга.

Такъ какъ всякое объясненіе «повторенія» въ конечномъ счетѣ сводится къ положенію: «сходныя условія вызываютъ сходныя слѣдствія», то

для доказательности «повторенія» всегда должны быть на лицо такія условія, которыя могли бы объяснить, почему два одновременныхъ акта совпали въ своихъ результатахъ.

Какъ правило, можно утверждать, что вѣроятность «повторенія» тѣмъ больше, чѣмъ общѣе совпаденіе, чѣмъ менѣе въ немъ конкретныхъ подробностей.

Повторенія у Лермонтова можно разбить на нѣсколько группъ, подъ угломъ зрѣнія тѣхъ причинъ, какія ихъ обусловили.

1. Связь словъ по смыслу.

Это самый элементарный случай, вызывающій повторенія, собственно мало имѣющій значенія для уясненія творчества писателя. Къ сожалѣнію, это не чувствуютъ любители «вліяній» и «заимствованій» и очень часто убиваютъ силы на подборъ подобныхъ мало значущихъ совпаденій.

Приведу примѣръ такого «повторенія» у Лермонтова:

«И жадный червь его грызеть, грызеть...» (о плодѣ). И жадный червь грызеть, грызеть...» (червь сомнѣній).

[* * * «Онъ былъ рожденъ...» 1832.
10. II. 17].

[«Сашка» 1836. 496. II. 158].

или случай, осложненный антитезой:

«Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его-бъ не могъ,
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ...»
[«1831 года, іюня 11 дня».
193—195. I. 260].

«Не могъ бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ...»
[«Изм.-Бей» 1832. 2188—89. II. 81].

Въ этихъ случаяхъ примѣненіе для выраженія опредѣленной мысли нужнаго слова влечетъ непроизвольно и нѣкоторыя дальнѣйшія совпаденія.

2. Сравненія.

Нѣсколько сложнѣе случаи совпаденій, вызываемыя сравненіями, сложнѣе потому, что сюда вторгается индивидуальность автора. Конечно, могутъ быть сравненія элементарнаго типа, часто примѣняемыя, и тогда ихъ повтореніе весьма обычно (коварна, какъ змѣя и т. п.). Но у поэта возможны повторенія и весьма необычныхъ сравненій, излюбленныхъ почему-либо имъ, свойственныхъ именно его таланту. У Лермонтова есть рядъ такихъ излюбленныхъ сравненій, противопоставленій, образовъ.

Повторное примѣненіе такого сравненія-образа могло обусловить и невольное словесное совпаденіе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ сравненій-образовъ у Лермонтова:

Звуки — ллющіяся слезы:

«... и въ мрачной тишинѣ
Твои нацѣвы раздаются.
О чемъ они — не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...»

[«Сосѣдъ» («Кто-бъ ни былъ ты...»)
1836. 14—18. II. 209].

«И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ...»

[«Демонъ» 534—36. II. 366].

Звуки таютъ, какъ поцѣлуй.

«Она поеть — и звуки таютъ,
Какъ поцѣлун на устахъ;
Глядить — и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ...»

[* * * «Она поеть...» 1837. 1—4. II. 210].

«Какъ небеса твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой,
Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой...»

[* * * «Какъ небеса твой взоръ...»
1837. 1—4. II. 212].

Усталая душа — плодъ до времени созрѣлый.

«И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія...»

[* * * «Гляжу на будущность...» 1837.
16—20. II. 210].

«Такъ тощій плодъ, до времени
созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, прищепецъ
осиротѣлый
И часъ ихъ красоты, его паденья
часъ...»

[«Дума» 1838. 13—16. II. 252; ср. еще
стих. «Онъ былъ рожденъ...» 1832.
II. 16—17].

Иногда звенья сравненій не вполне совпадаютъ, но образъ примѣнешь общій; возможность «повторенія» все же остается:

Страсть въ печальномъ сердцѣ — береза въ трещинѣ развалинъ.

Дочь при старикѣ-отцѣ — береза средъ развалинъ.

«Въ печальномъ только сердцѣ можетъ
страсть
Имѣть неограниченную власть
Такъ, въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза вырастаетъ; молода

«Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела
.
Такъ средъ развалинъ иногда
Растетъ береза: молода

И зелена, и взоры веселитъ Мила надъ плитами гробовъ...»
 И украшаетъ сумрачный гранитъ...» [«Бояр. Орша» 1835—36. 49—51.
 [«Литвинка» 1830. 511—16. I. 218; ср. II. 110].
 стих. «1831 года 11 июня». I. 257].

Иногда сравненіе-образъ развивается въ самостоятельную картину; тогда повтореніе принимаетъ болѣе детальный характеръ. У Лермонтова намъ встрѣтился одинъ образъ, который, несмотря на то, что онъ повторяется четыре раза, мы склонны, по крайней мѣрѣ въ трехъ случаяхъ, считать возникшимъ непроизвольно, безъ всякаго вліянія другъ на друга. Совпаденія эти вызваны *сравненіемъ блестящей чешуи змыи съ блескомъ меча или клинка кинжала.*

Вотъ эти совпаденія:

«... Пустынная змѣя Изъ подъ камней, рѣзаясь, выползаетъ; На ней рябая блещетъ чешуя Серебрянымъ отливомъ, какъ блистаетъ Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ Въ густой травѣ на полѣ роковомъ...»	«И въ часъ урочный молчаливо Изъ подъ камней ползетъ змѣя, Играетъ, нѣжится лѣнливо, И серебрится чешуя Надъ перегибистой спиною. Такъ стала кольчуги или копя, (Когда забыты послѣ боя Они на полѣ роковомъ), Въ кустахъ найденная луною Блестаетъ въ сумракѣ ночномъ...»
[«Аула Бастунджи» 1831. 51—56. I. 334].	[«Изм. Бей». 1832. 416—25. II. 31].

Въ этихъ двухъ случаяхъ, при общей близости «Измани Бей» и «Аула Бастунджи» можно предположить самоподражаніе, но сама по себѣ не исключена возможность самозарожденія подобнаго образа въ слѣдующихъ случаяхъ:

«... Лишь змѣя, Сухимъ бурьяномъ шелестя, Сверкая желтою спиной, Какъ будто надписью златой Покрытый до низу клинокъ, Браздя разсыпчатый песокъ, Скользила бережно; потомъ, Играя, нѣжася на немъ, Тройнымъ свивалася кольцомъ; То, будто вдругъ обожжена, Металась, прыгая, она И въ дальнихъ пряталась кустахъ...»	И осторожная змѣя Изъ темной щели выползаетъ На плиту стараго крыльца: То вдругъ совьется въ три кольца, То ляжетъ длинной полосой, И блещетъ, какъ булатный мечъ, Забытый въ полѣ дальнихъ сѣтъ, Ненужный падшему герою...»
[«Мири» 1840. 617—629. II. 326].	[«Демонъ» 1098—1104. II. 382].

3. Образныя утверждения.

Сюда же должны быть отнесены сравненія, переходящія въ метафоры: образныя утверждения.

Сердце — жертвенникъ. Грудь — жертвенникъ.

«И показать, что сердце у меня Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ огня...»	«Ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенникомъ однихъ высокихъ чувствъ, окаменѣй подобно ея сердцу...»
«1830 годъ юля 15-го» («Зачѣмъ семья родной...») 1830. 24—25. I. 145].	[«Mensch. und Leidenschaften» 1830. III. 129].

Миръ безъ любимого — храмъ безъ божества.

«Что безъ нея земля и рай Пустыя звучныя слова Блестящій храмъ безъ божества...»	«Миръ безъ тебя? что такое? храмъ безъ божества.»
[«Исповѣдь» 1830. 153—55. I. 223; ср. «Бояр. Орша» II. 138 и II. 436. «Демонъ» II. 369, II. 408].	[«Вадимъ» 1832. IV. 55].

4. Сходство положеній.

При изображеніи сходныхъ положеній, одинаковыхъ характеристикъ и т. п. вполне возможны случайныя совпаденія въ частностяхъ. У Лермонтова они рѣдки, такъ какъ чаще переходятъ въ реминисценціи.

«Онъ былъ рожденъ для мирныхъ вдохновеній, Для славы, для надеждъ, но межъ людей Онъ не годился...»	«Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ И вдохновеній мирныхъ...»
[«Къ * * *» («Когда твой другъ...») 79. I. 188].	[* * * «Онъ былъ рожденъ...» 1—2. II. 16].

Въ слѣдующемъ примѣрѣ близкій смыслъ, поддержанный римой, могъ вызвать произвольное совпаденіе:

«Есть звуки — значенье ничтожно И презрѣно гордой толпой Но ихъ позабыть невозможно Какъ жизнь, они слиты съ душою...»	«Есть рѣчи — значенье Темно или ничтожно Но имъ безъ волненія Внимать невозможно...»
[«Къ * * *» («Прости, мы не встрѣтимся болѣ...») 1832. 9—12. II. 12].	[* * * «Есть рѣчи...» 1840. 1—4. II. 297].

Мы не будемъ здѣсь касаться болѣ мелкихъ совпаденій у Лермонтова, совпаденій въ образахъ, метафорахъ, словесныхъ сочетаніяхъ и

т. п.¹⁾. Всѣмъ извѣстно пристрастіе Лермонтова къ нѣкоторымъ образамъ: «змѣя», «ядь», «червь», «свинецъ», встрѣчаются у него десятки разъ, извѣстна власть надъ нимъ ряда антитезъ: «земля и рай», «адъ и небо», «ангельскій и демонскій» и т. п.

Лермонтовъ не только въ плѣну у навязчивыхъ идей, трагическихъ положеній, излюбленныхъ сравненій, онъ въ плѣну у словъ. Въ обычной жизни это явленіе постоянное; мы все «плачемъ горько», «страдаемъ ужасно», «печаль наша безутѣшна» и рѣдко кто изъ насъ умѣетъ передать въ словѣ личный оттѣнокъ нашихъ страстей. Тѣмъ и дорога намъ поэзія, что она разсѣкаетъ оковы привычныхъ навязчивыхъ образовъ и заставляетъ ярко и красочно переживать переплавленное въ горнилѣ творчества слово. Лермонтовъ далъ намъ много незабываемыхъ образовъ, вывелъ насъ изъ плѣна обычныхъ переживаній, но нельзя отрицать того, что самъ онъ былъ плѣнникомъ имъ самимъ созданныхъ образовъ и словъ. Въ немъ поражаетъ сочетаніе силы и безсилія, стремительности и неподвижности, душевной напряженности съ однообразіемъ душевныхъ переживаній. По истинѣ, онъ Скванный Прометей.

Гоголь сказалъ о Лермонтовѣ жестко: «Ни одно стихотвореніе не выносилось въ немъ, не возлелѣялось чадолюбиво и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось въ себѣ самомъ», но въ жесткости этой есть и доля истины: Лермонтовъ былъ гениаленъ въ своемъ творчествѣ, но крайне пассивенъ. Слѣды этой пассивности мы пытались отмѣтить въ любопытной неповторявшейся въ русской поэзіи особенности его — въ частыхъ повтореніяхъ самого себя.

А. Бемъ.

25. I. 1919 г.

1) См. ихъ перечисленіе у Д. И. Абрамовича въ ст. «О языкѣ Лермонтова» — Ак. изд. V. 203—204